

ПРЕДИКАТИВНЫЕ ЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ЛИЧНЫХ ГЛАГОЛОВ

В.А.Лаврентьев

Рязань, Россия

Summary: The problem of personality and impersonality is topical in modern Russian language. This article is devoted to forms of grammatical personality of finite verbs.

Личность и безличность рассматривались в отечественном языкознании многими ведущими лингвистами прошлого и настоящего. Однако исследователи, как правило, анализируют явление личности-безличности на синтаксическом уровне (односоставность-двусоставность простого предложения, способы выражения главных членов личных и безличных конструкций и т.п.), в то время как данная категория реализуется на разных языковых уровнях (семантическом, морфологическом, синтаксическом). Безличность как семантико-грамматическая категория подробно описана в докторской диссертации А.В.Петрова [Петров 2007], велико количество частных исследований, посвященных проблеме лица (морфологического и синтаксического) и личности, фундаментальных же работ по данной проблеме в лингвистической литературе не имеется. Несмотря на большое количество исследований, нерешенными (или не до конца решенными) остаются вопросы, связанные с объемом понятий категория лица, категория личности-безличности, категория персональности, не вполне изучены и систематизированы средства референции личности-безличности. Само количество понятий и их неоднозначное толкование свидетельствует о том, что проблема актуальна. Как справедливо констатировал П.А.Лекант, «мы не можем утверждать, что данная категория всесторонне изучена, что все спорные вопросы решены; напротив, их становится больше» [Лекант 1994: 7]. Грамматическая личность выражается различными способами и средствами языка. Ее выражают: 1) личные местоимения, основная грамматическая функция которых заключается именно в том, чтобы служить показателями грамматического лица; 2) личные глаголы, то есть глаголы, которые указывают на грамматическую личность через соотнесенность обозначаемого ими действия с грамматическим субъектом; 3) личные формы лично-безличных глаголов, которые также указывают на грамматическую личность через соотнесенность обозначаемого ими действия с грамматическим субъектом; 4) конструкция двусоставного предложения, где подлежащее служит показателем грамматической личности. В настоящей работе рассматриваются формы выражения грамматической личности личными глаголами.

В современном русском языке глагольные формы (если понимать глагольную парадигму широко) делятся на предикативные и атрибутивные. В свою очередь, предикативные формы делятся на личные и безличные. К

личным, если их сопоставлять с лично-безличными глаголами (под этим термином понимаются глаголы, которые имеют личные и безличные формы и способны употребляться как в личном, так и в безличном значении), относятся глаголы, которые образуют только личные формы, безличных форм не имеют и в безличном значении не употребляются. В данный тип входят: а) собственно-возвратные глаголы (*глумиться, запинаться, очнуться, чваниться* и т.п.); б) возвратные глаголы, образованные от переходных (*браниться, волноваться, расширяться, стучаться* и т.п.); в) отдельные группы невозвратных глаголов с переходным (*компенсировать, констатировать, купать, одевать, строить* и т.п.), реже – с непереходным значением (*чахнуть, чихать* и т.п.).

Личные глаголы в изъявительном наклонении имеют личные формы в настоящем, будущем, а также в прошедшем времени. Формы настоящего и будущего (простого и сложного) времени личных глаголов служат не только средством выражения грамматической личности, которая противопоставляется грамматической безличности в глаголе, но и средством выражения грамматического лица и основных личных значений. Формальными показателями личного значения в формах настоящего и будущего времени глаголов служат флексии, которые присоединяются непосредственно к основе настоящего (будущего простого) времени: *пиш-у, пиш-ешь, пиш-ет, пиш-ем, пиш-ете, пиш-ут; хвал-ю, хвал-ишь, хвал-ит, хвал-им, хвал-ите, хвал-ят* и под.

Только система формальных показателей (флексий) в личных глаголах служит средством различения лиц в глаголе, все другие компоненты личного глагола не связаны с определенным лицом, не способны различать формы лица. При изменении по лицам у многих глаголов наблюдается чередование конечных согласных основы (*бежу, бежишь, бежит, бежим, бежите, бегут; торможу, тормозишь, тормозит, тормозим, тормозите, тормозят* и т.д.).

подавляющее большинство глаголов использует для выражения грамматического лица приведенную выше систему личных форм и формальных показателей. Однако в языке имеются отдельные глаголы и небольшие группы глаголов, образование личных форм которых отличается определенными особенностями.

Особые формы для выражения грамматических значений лица имеют в современном русском языке глаголы так называемого архаичного типа спряжения: *дать, есть* и производные от них.

Только форму настоящего времени 3-го лица единственного числа *есть* и форму настоящего времени 3-го лица множественного числа *суть* (отмирающую и в наше время употребляемую редко) имеет вспомогательный глагол *быть*.

Глаголы, имеющие не все личные формы, называют недостаточными (термин «недостаточные глаголы» введен в языкознание Г.Павским).

Недостаточными являются и глаголы, обозначающие физическое состояние различных органов человеческого тела, типа *кожа зудит, кровь сочится, рука болит, сустав ноет* и т.п. Действия, обозначаемые такими глаголами, не могут быть соотнесены с субъектом, как с их активным про-

изводителем, а потому не могут выражаться формами 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа.

К недостаточным глаголам в современном русском языке относятся также некоторые глаголы, не имеющие форм 1-го лица единственного числа настоящего или будущего времени. Из них наиболее употребительными являются: *бдеть, очутиться, убедить, переубедиться, победить, чудить* и т.п. Отсутствие у таких недостаточных глаголов форм 1-го лица единственного числа настоящего и будущего простого времени обусловлено несколькими разнородными факторами, как правило, связанными с фонетическими особенностями языка.

В современном русском языке есть глаголы, которые образуют формы настоящего и будущего времени в соответствии с соотношением основ разных словоизменительных типов (разных классов). Такие глаголы, называемые в языкознании избыточными, выражают грамматические лица двумя видами форм, представляющими первый и пятый словоизменительные типы глаголов [Грамматика 1970: 404-407], например: *брызгать – брызгаю-брызжу, капать – капаю-каплю, махать – махаю-машу, хныкать – хныкаю-хнычу, полоскать – полоскаю-полощу* и др.

В современном русском языке формы прошедшего времени личных глаголов так же, как и собственно-личные формы (формы настоящего и будущего времени и формы повелительного наклонения), выражают грамматическое значение личности, противопоставляемое грамматическому значению безличности, поэтому формы прошедшего времени личных глаголов нельзя назвать ни безличными, ни внеличными. Действие, обозначаемое ими, как и действие, выражаемое собственно-личными формами, соотносится с грамматическим субъектом, а также с лицом. Например, в предложении *Татарский испытал чувство мгновенного и пронзительного узнавания* (В.Пелевин) форма *испытал* обозначает действие, соотносимое с грамматическим субъектом, выраженным подлежащим *Татарский*. Следовательно, рассматриваемая форма может быть признана личной, как форма *испытает*, обозначающая то же действие, только в аспекте другого времени. И мы не можем согласиться с теми лингвистами, которые не считают формы прошедшего времени типа *читал, писал, топил* и т.п. личными формами.

Отсутствие у форм прошедшего времени показателей лица не лишает возможности соотносить обозначаемое ими действие с конкретным лицом. Однако такая соотнесенность выражается не морфологически, как в формах настоящего и будущего времени, а опосредованно.

Способы опосредованного выражения отношения действия, обозначаемого формами прошедшего времени глагола, к лицу разнообразны. Основными из них являются: описательный способ, интонация, синтаксическая связь форм прошедшего времени с формами глаголов, имеющими личный показатель, вставка в предложение специальных слов, например обращений, указывающих на отношение обозначаемого действия к определенному лицу.

Суть описательного способа состоит в том, что для выражения отношения действия к лицу используется сочетание слов, состоящее из формы

прошедшего времени и личного местоимения в именительном падеже: *я улыбался, ты улыбался, он улыбался, мы улыбались, вы улыбались, они улыбались* и т.п. Такое предикативное сочетание слов, состоящее из местоимения (подлежащего) и формы прошедшего времени (сказуемого), не является аналитической формой выражения лица в глаголе, так как в нем местоимение не превращается в служебное слово или в чисто формальный показатель грамматического лица. Такого рода сочетания местоимений с формами прошедшего времени являются свободными сочетаниями слов, в которых каждое слово самостоятельно как по своему синтаксическому использованию, так и в отношении своего лексического значения. Названные сочетания слов подобны сочетаниям типа: *мальчик улыбался, сестра слушала, учитель рассказывал* и т.п.

Во-первых, в составе сочетаний: *я слушал, ты слушал, он слушал, мы слушали, вы слушали, они слушали* – на грамматическое лицо указывает только личное местоимение, которое само по себе служит средством выражения определенного лица [Поспелов 1953: 60]. Во-вторых, личные местоимения представляют собой самостоятельные лексико-грамматические единицы (части речи) языка. В-третьих, как известно, суть аналитического способа выражения грамматических значений состоит в том, что одно слово (знаменательное) служит показателем лексического значения, а другое (служебное слово) служит показателем грамматического значения, что мы наблюдаем, например, в аналитической форме повелительного наклонения *пусть придет, пусть отправят* и т.п. В сочетаниях *я отправил, ты отправил, он отправил, мы отправили* и т.п. местоимения *я, ты, он, мы*, представляя собой определенную часть речи, выступают в роли главного члена предложения.

На мысль о том, что сочетание глагола прошедшего времени с личным местоимением есть аналитическая форма выражения лица, кроме других факторов (например, отсутствие показателей лица у форм прошедшего времени), наводит отвлеченность и абстрактность содержания местоимения. Ведь само по себе местоимение не называет и не определяет предметов и их признаков, а только указывает на них. Однако абстрактность содержания местоимений (в связи с этим их высокая грамматичность) все же не дает оснований рассматривать местоимения в сочетаниях *я читал, ты читал* и т.п. как формальные показатели чисто грамматического значения лица, приравнивая их функции в данных сочетаниях к функции окончания в личных формах глаголов *чита-ю, чита-ешь, чита-ет, чита-ем* и т.п.

В этом аспекте необходимо привести суждение по данному вопросу Л.В.Матвеевой-Исаевой: «...считать личные местоимения при глагольной форме русского прошедшего времени грамматическим показателем одной из категорий, характеризующим морфологическую категорию прошедшего времени в русском языке, не представляется возможным; грамматическое лицо в нем не получает выражения и лицо субъекта указывается описательным путем по семантике личного местоимения» [Матвеева-Исаева 1955: 20].

Аналитическая форма выражения категории лица отсутствует и в ряде других индоевропейских языков. «Как и число, индоевропейская глаголь-

ная форма выражает и лицо без прибавки местоимения. Там, где местоимение является в предложении, оно имеет значение самостоятельного слова...» [Мейе 1938: 256].

Если при форме прошедшего времени местоимение-подлежащее отсутствует, то отношение к лицу действия, обозначаемого этой формой, также выражается опосредованно, с помощью других способов и средств языка. Состав показателей для разных лиц различен.

1. Отношение к 1-му лицу единственного и множественного числа выражается:

а) местоимением в косвенном падеже: *Прости, что опоздал, но у меня дела* (А.Арбузов);

б) синтаксической связью формы прошедшего времени с формой глагола, имеющей формальный показатель лица, например: *Не знаю, не читал* (А.Чехов);

в) особой интонацией, например: *Нозу отсидела...* (А.Чехов);

г) сопоставлением формы прошедшего времени со 2-м лицом, выраженным личной формой глагола или личным местоимением, например: *Не думала, что вы умеете шутить* (Р. Романов).

2. Отношение ко 2-му лицу единственного или множественного числа выражается:

а) обращением, помогающим установить лицо, к которому относится действие, выраженное формой прошедшего времени, например: *Устал, Федор Ильич! Устал* (А.Чехов); *Заждалась, мама?* (Р.Романов);

б) синтаксической связью формы прошедшего времени с формой глагола, имеющей формальный показатель лица, например: *Как съездил, рассказывай* (А.Арбузов); *Чего встал, беги, собирайся, слышишь...* (М.Шолохов);

в) особой вопросительной или побудительной интонацией, которая соотносит действие, выраженное формой прошедшего времени, со 2-м лицом, например: *Не встречал ли Варвару?* (Ю.Герман).

3. Отношение к 3-му лицу единственного или множественного числа выражается:

а) любым существительным (или субстантивированным словом) в именительном падеже, например: *Туда вела тяжелая стальная дверь, за которой оказалось небольшое помещение, плотно заставленное техникой* (В.Пелевин); *От возможных неприятностей Татарского защищала решетка из толстых прутьев, грубо приваренная к стенам* (В.Пелевин);

б) местоимением в косвенном падеже: *Потом притерпелся, не заметил даже, как втянулся в службу: потом она приилась ему по душе...* (М.Алексеев);

в) синтаксической связью формы прошедшего времени с формой глагола, имеющей формальный показатель лица, например: *Не сделал – так сделает* (А.Арбузов).

При отсутствии необходимых показателей лица в предложении, в котором находится форма прошедшего времени, эти показатели обнаруживаются за пределами предложения, в контексте, например: *Я даже не думал, что у нас так холодно. Отвык* (Ф.Достоевский).

Система личных форм в повелительном наклонении в целом соотносительна с системой личных форм в изъявительном наклонении, однако, в отличие от последней, содержит ряд особенностей не только в самом составе форм, но и в способах их образования, в их значении и употреблении. В повелительном наклонении основной организующей формой, выражающей его специфику, являются формы 2-го лица единственного и множественного числа. Приказание – это, в первую очередь, сообщение своей воли собеседнику или собеседникам непосредственно, а затем уже через них сообщение побуждения 3-му лицу или 3-им лицам – опосредованно, поэтому только 2-е лицо единственного и множественного числа повелительного наклонения имеет ярко выраженный формальный показатель. Другие лица повелительного наклонения (формы 1-го лица множественного числа и формы 3-го лица единственного и множественного числа), как несущие второстепенные функции в сообщении побуждений, используют для выражения своих грамматических значений формальные показатели других форм, сочетания форм. Форма 2-го лица единственного числа повелительного наклонения, как и личные формы изъявительного наклонения, синтетическая. Однако, в отличие от последних, в которых в роли формального показателя лица выступает только флексия, имеет в качестве показателя лица разные признаки: в одних формах, что определяется характером образующей основы, морфеме *-и*: *пиши-и*, в других – форму, совпадающую с основой глагола настоящего (будущего простого) времени (форму с нулевым аффиксом): *брось-∅* (вопрос о квалификации данной морфемы является дискуссионным: в одних работах [Грамматика русского языка 1953: 494; Грамматика 1970: 414; Русская грамматика 1980: 620 и др.] ее называют окончанием, в других [Современный русский язык 2000: 327; Современный русский язык 1981: 205 и др.] – формообразующим суффиксом). Общие закономерности образования форм 2-го лица единственного числа глаголов в повелительном наклонении не распространяются на две небольшие группы глаголов: глаголы, которые образуют формы повелительного наклонения 2-го лица единственного числа с некоторыми отклонениями от общих закономерностей (*давать*, *узнавать*, *есть* и др.); глаголы, от которых эта форма повелительного наклонения или не образуется, или образуется, но не употребляется (*мочь*, *ветвиться*, *хотеть* и др.).

В роли формального показателя формы 2-го лица множественного числа выступает агглютинирующий аффикс *-те* (вопрос о квалификации указанной морфемы также не имеет однозначного решения: окончание [Современный русский язык 2000: 327; Современный русский язык 1981: 205 и др.] или постфикс [Тихонов 1985: 22; Грамматика 1970: 415; Русская грамматика 1980: 620 и др.]), который для образования этой формы присоединяется непосредственно к форме 2-го лица единственного числа повелительного наклонения: *взвесьте*, *идите*, *отрежьтесь*, *рубите*, *ударьте*, *улыбнитесь*, *читайте* и т.п. В форме повелительного наклонения 2-го лица множественного числа, что отмечают многие языковеды, ярко проявляется агглютинирующий характер образования, свойственный формам повелительного наклонения в целом и отражающий их специфику. Форма 2-го

лица множественного числа повелительного наклонения может заключать в себе до 4-х аффиксов, из которых каждый сохраняет свое отдельное грамматическое значение: *вгляд-и-те-сь-ка*, *распиши-и-те-сь-ка* и т.п. «В русском языке, – как заметил В.М.Никитевич, – только формы повелительного наклонения обладают такой удивительной способностью, присущей в целом агглютинативным языкам» [Никитевич 1963: 192-193].

Формы 3-го лица повелительного наклонения выражаются сочетанием частиц *пусть*, *пускай* с формами 3-го лица соответственного числа настоящего или простого будущего времени изъявительного наклонения, то есть являются аналитическими: *пусть (пускай) несет*, *пусть (пускай) поедет*; *пусть (пускай) несут*, *пусть (пускай) поедут* и т.п. Формы 3-го лица единственного и множественного числа повелительного наклонения, в отличие от форм 2-го лица повелительного наклонения, свободно образуются от любого личного глагола. Образованные от личных глаголов, обозначающих процессы, происходящие независимо от воли человека, они не выражают чисто повелительного значения (оно не свойственно лексическому значению такого глагола), а обозначают желание (пожелание), чтобы действие, обозначаемое ими, продолжалось или завершилось, например: *пусть болеет (заболеет)*, *пусть видит (увидит)*.

В современном русском языке императив глагола имеет два ряда форм совместного действия – форму единственного и форму множественного числа, которые различаются как составом своего личного значения, так и составом своих формальных показателей.

Один ряд форм императива совместного действия (*пишем*, *напишем*, *будем писать*, *давай писать*, *давай будем писать*) обозначает побуждение к совместному действию, в котором примет участие сам говорящий, направленное к одному собеседнику (реже – к нескольким). «Это, – по словам В.В.Виноградова, – формы синкретического “двойственного”, т.е. совокупного 1-го и 2-го лица единственного числа (ср. *мы с тобой*), формы совместного действия» [Виноградов 1986: 482]. Формы *пишем*, *напишем*, *будем писать*, используемые в современном русском языке для выражения значения императива совместного действия единственного числа, омонимичны формам индикатива 1-го лица множественного числа настоящего и будущего времени (синтетическим и аналитическим), отличаясь от последних содержанием обозначенных лиц, а также неспособностью сочетаться с подлежащим-местоимением *мы*. Следует заметить, что данные формы образуются от тех глаголов, лексическое значение которых совместимо со значением императива; не употребительны образования от глаголов типа *возить*, *водить* и т.п., то есть от глаголов неоднаправленного движения.

В современном русском языке более стабильными и употребительными со значением императива совместного действия единственного числа являются формы типа *давай писать*, *давай будем писать*. Такие формы образуются путем соединения частицы *давай* с одним инфинитивом спрягаемого глагола (*давай писать*) или с личной формой вспомогательного глагола *быть* с инфинитивом спрягаемого глагола (*давай будем писать*).

Другой ряд форм императива совместного действия (*пишемте, давайте писать, будемте писать, давайте будем писать*) обозначает побуждение к совместному действию, в котором примет участие сам говорящий, направленное к двум или нескольким собеседникам. Синтетическая форма императива совместного действия множественного числа образуется путем присоединения морфемы *-те* к форме настоящего (будущего) времени, как правило, глаголов совершенного вида: *ударимте, споемте, пойдёмте, идемте* и под. Личное значение, выражаемое формой типа *пойдёмте*, в отличие от относительного значения формы типа *пойдем*, довольно четко было определено Ф.И.Буслаевым: «Совокупное действие 1-го лица со 2-м единственного числа означает повелительными формами: *пойдем, скажем* и пр.; и со 2-м лицом множественного числа – формами: *пойдем-те, скажем-те*. Первые соответствуют двойственному числу, а вторые – множественному. Поэтому, из вежливости двойственное изменяется на множественное, например, вместо *пойдем* (т.е. *я и ты*) говорится *пойдем-те* (т.е. *я и вы*)» [Буслаев 1858: 186]. Конечное *-емте* в форме повелительного наклонения 1-го лица множественного числа появилось в русском языке сравнительно недавно. Это сочетание впервые засвидетельствовано со значением побуждения в песне XVII века в форме глагола *грянемте* [Кузьмина 1951: 134].

Аналитические формы императива совместного действия множественного числа могут быть двучленными и трехчленными. Аффикс *-те* присоединяется в таком случае или к одной частице *давай* (*давайте писать, давайте будем писать*) или к частице *давай* и к форме вспомогательного глагола *быть* одновременно (*давайте будемте писать*); или к одной форме вспомогательного глагола *быть* (*будемте писать*). Возможно двойное образование, состоящее из синтетической формы спрягаемого глагола и частицы *давай* с аффиксом *-те* (*давайте напишемте*).

В современном русском языке повелительное наклонение не имеет формы 1-го лица единственного числа, так как такая форма противоречит основному назначению повелительного наклонения: приказывать можно кому-то, но не самому себе. Правда, нередки случаи, когда в особых обстоятельствах говорящий передает побуждение совершать действие самому себе с помощью языковых фактов. В таких случаях явления внутренней речи при переводе их во внешнюю речь, не находя в языке специальной формы для 1-го лица единственного числа повелительного наклонения, выражаются в самых разнообразных языковых формах.

В современном русском языке формы сослагательного наклонения личных глаголов, так же как личные формы настоящего-будущего и прошедшего времени, выражают грамматическое значение личности, противопоставляемое значению безличности. Способность форм сослагательного наклонения личных глаголов выражать грамматическое значение личности обусловлено тем, что в их состав (формы сослагательного наклонения являются аналитическими) входят формы, омонимичные формам прошедшего времени глаголов (*видел бы, видела бы, видели бы, видело бы*), поэтому все то, что характеризует формы прошедшего времени в от-

ношении выражения или грамматического значения личности, определяет и формы сослагательного наклонения.

Грамматическое значение каждого лица, как и любое другое грамматическое значение, осознается и устанавливается только на основе его противопоставления другому, противоположному значению лица. Категория лица в глаголе основана на противопоставлении форм 2-го лица формам 1-го лица и форм 3-го лица формам 1-го и 2-го лица, которые выражают грамматические значения, обобщенно отражающие реальное распределение субъектов-деятелей в процессе речевого общения.

Субъектом, который прежде всего противопоставлен говорящему (1-му лицу), является собеседник (2-е лицо). Если в беседе принимают участие два человека, то каждый из них может быть то говорящим, то собеседником. Распределение лиц (первое, второе) производится в таком случае самим говорящим, который приписывает действие или себе, или собеседнику. Таким образом, 1-е и 2-е лицо обобщенно отражают в языке те отношения, которые существуют между говорящим и собеседником в действительности. 1-е лицо в глаголе – это обобщенное обозначение отношения действия к говорящему. Оно осознается и выявляется только на основе сопоставления его с лицом собеседника, со 2-ым грамматическим лицом. 2-е лицо в глаголе – это обобщенное обозначение отношения действия, устанавливаемое говорящим, к собеседнику. Оно осознается и устанавливается на фоне 1-го грамматического лица (говорящего). 1-е и 2-е лицо в языке составляют единство взаимоисключающих значений, которые вместе с формами, их выражающими, образуют единство диалектическое.

В современном русском языке грамматическое значение форм 3-го лица противопоставлено грамматическому значению форм 1-го и 2-го лица. Это противопоставление в обобщенных языковых формулах отражает то противоположение, которое существует между действующими лицами в действительности [Пешковский 1956: 343]. *Я-ты, мы-вы* – это первая ступень противопоставления лиц-деятелей. На второй ступени *я* и *ты, мы* и *вы* противопоставляются всему тому, что находится за пределами первой ступени, а именно – *он, она, оно, они*, обозначающих все остальное: живое и неживое, все, кроме говорящего и собеседника. Эти два аспекта противопоставления являются логически оправданными. Противопоставленность форм 3-го лица формам 1-го и 2-го лица в своих основных значениях выражается в целом ряде признаков.

1. Форма 1-го лица обозначает действие говорящего, форма 2-го лица – действие собеседника, то есть эти формы обозначают непосредственных участников диалога. Форма 3-го лица глаголов соотносит обозначаемое действие с тем, кто (что) не является непосредственным участником диалога.

2. Форма 3-го лица глаголов, в отличие от форм 1-го лица и 2-го лица, выступая в роли сказуемого, может обозначать действие не только лица (человека), но и действие любого другого живого существа, а также действие неодушевленного предмета, то есть личное значение, выражаемое

формой 3-го лица глаголов, абстрактнее личного значения, обозначаемого формами 1-го и 2-го лица глаголов.

3. Если значение безличности чуждо формам 1-го и 2-го лица глаголов (эти формы всегда личны), то форма 3-го лица, взятая вне контекста, потенциально содержит как значение личное, так и безличное. «Ее личное значение, – отмечает В.В.Виноградов, – только потенциально. Оно обусловлено обязательным наличием или подразумеванием субъекта. Оно целиком синтаксично» [Виноградов 1986: 376].

4. При личных формах глаголов 1-го и 2-го лица подлежащим может быть только местоимение. «Разница эта между первыми двумя лицами и третьим лицом, – замечает А.М.Пешковский, – объясняется тем, что при первых двух лицах в качестве подлежащего возможны только слова *я, ты, мы* и *вы*, т.е. слова, у которых основное значение сводится к понятию *лица речи*... Напротив, в 3-м лице подлежащим может быть не только личное слово *он*, но и тысячи других слов со всевозможными значениями. Понятно, что опущение такого слова осознается как пропуск чего-то важного» [Пешковский 1956: 186].

5. Грамматическое различие между формами 1-го и 2-го лица и формами 3-го лица выражается в их способности образовывать другие грамматические формы. Например, возвратные формы глаголов на *-ся* со страдательным значением (*читается, читаются*), безличные возвратные глаголы могут образовываться только от форм 3-го лица единственного числа [Шахматов 1941: 196].

6. При формах 3-го лица глагола (сказуемых предложений) в подлежащем находит выражение род реального субъекта: *Фонарь светит. Луна светит. Солнце светит*.

7. В современном русском языке есть глаголы, которые употребляются только в форме 3-го лица единственного или множественного числа.

8. Необходимо заметить, что между формами 3-го лица единственного и формами 3-го лица множественного числа существуют различия, выходящие за пределы числа. Форма 3-го лица множественного числа глаголов, употребленная без личного местоимения, не лишается значения личности – она обязательно соотносится с лицом (определенным, неопределенным, обобщенным). Употреблению формы 3-го лица множественного числа в безличном значении препятствует грамматическое значение множественности.

ЛИТЕРАТУРА

Буслаев 1858 – *Буслаев Ф.И.* Опыт исторической грамматики. Ч. II. М., 1858.

Виноградов 1986 – *Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1986.

Грамматика 1970 – Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

Грамматика русского языка 1953 – Грамматика русского языка. Т. I. М., 1953.

В.А.Лаврентьев

- Кузьмина 1951 – *Кузьмина И.Б.* Употребление глагольных форм в предложениях со значением побуждения в русском языке XI-XVII веков. М., 1951.
- Лекант 1994 – *Лекант П.А.* К вопросу о категории безличности в русском языке // Тенденции развития грамматического строя русского языка. М., 1994.
- Матвеева-Исаева 1955 – *Матвеева-Исаева Л.В.* Грамматические категории // Ученые записки Ленинградского пединститута имени А.И.Герцена. Т. 194. Л., 1955.
- Мейе 1938 – *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.-Л., 1938.
- Никитевич 1963 – *Никитевич В.М.* Грамматические категории в современном русском языке. М., 1963.
- Петров 2007 – *Петров А.В.* Категория безличности в современном русском языке. М., 2007.
- Пешковский 1956 – *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
- Поспелов 1953 – *Поспелов Н.С.* Соотношения между грамматическими категориями и частями речи в современном русском языке // Вопросы языкознания, 1953, № 6.
- Русская грамматика 1980 – Русская грамматика. Т. I. М., 1980.
- Современный русский язык 1981 – *Шанский Н.М., Тихонов А.Н.* Современный русский язык. Ч 2. Словообразование. Морфология. М., 1981.
- Современный русский язык 2000 – *Лекант П.А., Диброва Е.И., Касаткин Л.Л., Клобуков Е.В.* Современный русский язык. М., 2000.
- Тихонов 1985 – *Тихонов А.Н.* Словообразовательный словарь русского языка. Т. I. М., 1985.
- Шахматов 1941 – *Шахматов А.А.* Очерк современного русского литературного языка. М., 1941.